

Чэн Фэнтай в этот раз не держал Чача'эр на руках, так как у нее было время для занятий музыкой. Вместо этого он возился с граммофоном, привезенным из Шанхая. Аппарат давно не использовался, и, возможно, из-за сырости в доме или поломки какого-то механизма, он перестал работать. Когда в комнату вошел Фань Лянь, Чэн Фэнтай поманил его:

— Как раз вовремя! Ты ведь инженер, помоги, почему он молчит?

Фань Лянь, еще кипя от злости за то, что его только что отчитали, а Чэн Фэнтай вел себя так, будто ничего не произошло, с раздражением подошел, взглянул и выпалил:

— Брат! Ты его не включил! Как он может играть?

Подключив аппарат к сети, он заставил граммофон заиграть. Мягкий и нежный женский голос зазвучал из динамиков — это была популярная в Шанхае несколько лет назад мелодия. Южный акцент и кокетливый тон заставили Фань Ляня почувствовать легкий зуд в костях. Он сел в кресло, сделал глоток чая и погрузился в приятные мысли, как вдруг Чэн Фэнтай резко сменил пластинку. Все они долго лежали без дела, и их обложки пожелтели от сырости. Новая пластинка играла всего пару минут, как он снова сменил ее. Так он перебрал три или четыре записи, пока в комнату не вбежала служанка:

— Второй господин, третья госпожа сказала, что музыка мешает ей заниматься...

Чэн Фэнтай махнул рукой:

— Понял.

Служанка ушла, а он бросил стопку пластинок на кровать и сам устроился у окна, закурив сигарету:

— Противно, ничего хорошего.

Фань Лянь сел на край кровати, перебрал пластинки и сказал:

— Если это не нравится, то что же тогда хорошее?

Чэн Фэнтай долго молчал, затем медленно произнес:

— Шан Сижуй.

Фань Лянь сразу все понял и подумал: «Я давно заметил, что между вами что-то есть, а ты все отрицаешь!» — и нарочно спросил:

— Второй господин, вы тоже увлеклись оперой?

Чэн Фэнтай посмотрел на него искоса и усмехнулся.

Фань Лянь, увидев это, понял еще больше и, похлопав его по колену, покачал головой:

— Если это просто увлечение оперой, то это легко устроить. У меня есть все его записи, я подарю их вам, и вы сможете наслаждаться. Но если это не только опера...

Фань Лянь снова покачал головой, решив не продолжать. Люди, не знающие, кто такой Шан Сижуй, могли легко угодить в ловушку. Но Чэн Фэнтай знал, кто он такой, слышал слухи, видел его лично, а в день полнолуния стал свидетелем его безумного и жестокого поведения. Если он теперь сам идет навстречу опасности, значит, он одержим, и его уже не остановить.

Чэн Фэнтай затушил сигарету и сказал:

— Это не только опера, но и не думай ничего лишнего.

Фань Лянь насторожился. Чэн Фэнтай долго подбирал слова и наконец произнес:

— Мне кажется, что в Шан Сижуне есть что-то глубокое, не такое, как кажется на первый взгляд. Он словно вышел из книги или спектакля.

Фань Лянь рассмеялся:

— Когда я впервые встретил его в Пинъяне, я сказал ему: «Тело в мирской суете, душа — в опере». Конечно, он не прост, я это знаю. Иначе я бы не стал общаться с ним после того, как он так грубо обошелся с Чан Чжисинем.

Он вздохнул:

— Это просто восхищение талантом!

Чэн Фэнтай сказал:

— Нет. Я не говорю о том, как он поет, я этого не понимаю. Я имею в виду... его душу. Она имеет вес, она полна мыслей и глубоких чувств. Он не просто лицедей с хорошим голосом. По сравнению с ним, я чувствую себя пустым мешком, живым трупом.

Фань Лянь рассмеялся:

— Эй! Говорите за себя, не включайте меня в это «мы».

Чэн Фэнтай тоже улыбнулся, но не стал спорить. Фань Лянь заметил, что он вдруг стал очень спокойным, даже застенчивым, как в юности. На самом деле Чэн Фэнтай был таким в прошлом, но, занявшись бизнесом и общаясь с разными людьми, постепенно стал циничным и развязным. Однако, сталкиваясь с чем-то, что трогало его душу, он возвращался к этой части своей личности.

Чэн Фэнтай сказал:

— Раньше я не понимал, почему писатели и поэты, вместо того чтобы заниматься наукой, так любят общаться с лицедеями. Теперь, познакомившись с Шан Сижуюем, я понял. Шурин, если честно, я...

В этот момент Чача'эр закончила заниматься музыкой, вбежала в комнату и, бросившись в объятия Чэн Фэнтая, заявила, что хочет спать, словно не заметив Фань Ляня. Тот поспешно встал, оставив невысказанными несколько предостережений, и ушел.

После разговора с Фань Лянем Чэн Фэнтай наконец пришел в себя и понял, чего он хочет. Ночью он умылся горячей водой, нанес крем для лица, привел себя в порядок и собрался выйти. Вторая госпожа, которая раньше ненавидела, когда он уходил из дома без дела, теперь, увидев, что он снова стал прежним, почувствовала облегчение и сказала ему идти и хорошо провести время, не беспокоясь о доме.

Этой ночью Чэн Фэнтай отправился к Шан Сижую.

Он не пошел за кулисы. На улице шел легкий снег, и он приказал Старине Гэ остановить машину у выхода из темного переулка. Сам он тихо сидел на заднем сиденье, куря сигарету. Окно было приоткрыто, и мелкие снежинки залетали внутрь, падая на его лицо, но он не обращал на это внимания. Старина Гэ, слегка замерзший, поежился и, оглянувшись на Чэн Фэнтая, подумал, что тот в последнее время сильно изменился. Зачем ждать здесь, если можно было бы с комфортом устроиться за кулисами? Эта встреча с Шан Сижуюем была для него загадкой.

Когда спектакль закончился, любители оперы все еще толпились у входа, надеясь увидеть самого Шан Сижую и лично похвалить его. Но народу было слишком много, и эмоции зашкаливали, поэтому Шан Сижуй не решался выйти, чтобы не вызвать хаос. Прошло еще полчаса, пока толпа постепенно рассеялась, и из темного переулка начали выходить актеры, закончившие спектакль. Актрисы, вероятно, сразу же отправлялись на какой-то ночной прием, они были одеты в яркие наряды, и у выхода их уже ждали рикши. Шан Сижуй и Сяо Лай шли последними, держась под одним зонтом. Шан Сижуй был выше Сяо Лай, поэтому он держал зонт, а она несла плетеную корзину с чайными принадлежностями и закусками. Они шли вместе, прижавшись друг к другу, и выглядели очень тепло и уютно.

Увидев их, Чэн Фэнтай резко наклонился вперед и дважды нажал на клаксон, заставив Старину Гэ вздрогнуть. Шан Сижуй и Сяо Лай одновременно подняли головы. Шан Сижуй узнал эту машину по блестящей фигурке женщины с крыльями на капоте и широко улыбнулся. Сяо Лай, увидев его выражение, сразу поняла, чья это машина. Она давно не видела, чтобы кто-то вызывал у Шан Сижую такую радость, и ее лицо сразу потемнело. Она остановилась, не желая идти дальше.

Сяо Лай, увидев Чэн Фэнтая, вспомнила Пинъян. Чан Чжисинь, известный любитель оперы, общался с Теремом Водных Облаков. Он был красив, щедр и обладал тонким вкусом, и даже смог уговорить брата и сестру Шан Сижую поддержать его в постановке «Легенды о Белой Змее». Но только Сяо Лай знала, что Шан Сижуй с самого начала не любил Чан Чжисиня. После случившегося он сказал ей: «С первого взгляда я почувствовал к нему неприязнь, мне

казалось, что он отберет у меня многое, и я не смогу с ним справиться. Видишь, так и вышло».

Теперь у Сяо Лай было такое же чувство по отношению к Чэн Фэнтаю.

Шан Сижуй сунул зонт в руки Сяо Лай и быстро сказал:

— Жди меня дома.

Затем он бросился к машине через падающий снег. Чэн Фэнтай уже открыл дверь, схватил Шан Сижую за руку и втянул внутрь, после чего машина тронулась. Сяо Лай стояла с зонтом в руках, растерянно сделав пару шагов по снегу, чувствуя пустоту и страх.

Шан Сижуй, сидя в машине, встряхнул волосы, стряхнул снег с одежды и с улыбкой спросил:

— Второй господин, как долго вы ждали? Почему не зашли за кулисы?

<http://bllate.org/book/15435/1368574>